

Среди всех книг Нового Завета именно Апокалипсис Иоанна вызвал в истории церкви наибольшие сомнения, и был окончательно принят в канон священных книг самым последним (в 692 г на Трулльском соборе). История его принятия и причины сомнений в его подлинности – это значительный массив информации, который должен быть непременно известен каждому читателю этой книги, решившему воспринять этот документ всерьез.

Начать можно с классики, с древнего первоисточника, в котором несколько пространно, но вполне четко выставляются все проблемы, связанные с этой книгой.

Вот так первый церковный историк Евсевий Памфил в 310-х годах приводит выписку из Дионисия, бывшего епископом Александрии в 260-х годах, после Оригена, Климента, Пантена - знаменитых учителей Александрийской церкви 2-3 веков. Итак, цитируем слова Дионисия в цитате Евсевия: "Были и до нас люди, совершенно отвергавшие эту книгу; пересматривая главу за главой, указывая на ее непонятность и бессвязность, они объявили ее подложной. Они говорят, что она не принадлежит Иоанну, что под густым слоем невежества тут нет никакого откровения, что автор этой книги не был не только апостолом, но вообще не принадлежал к святым и членам Церкви, и что в ней облагородить свои вымыслы именем, заслуживающим доверия, пожелал Керинф, основатель ереси, по его имени названной. Вот учение, им проповедуемое: Царство Христа будет земным, и там будет все, к чему стремился и о чем мечтал он сам, человек очень чувственный, очень плотской; чрево и животные побуждения будут полностью удовлетворены едой, питьем, брачными союзами, а также тем, чем он рассчитывал это облагородить - празднествами и жертвоприношениями. Я не осмелился бы отвергнуть эту книгу: многие братья ею увлекаются; я считаю, что она превосходит мое разумение, и предполагаю, что каждый ее предмет заключает в себе таинственный и дивный смысл. Я его не понимаю, но думаю, что в этих словах заложен смысл более глубокий. Я не меряю его по собственному разумению и не сужу о нем, но, полагаясь больше на веру, думаю, что тут есть мысли, по своей высоте мне недоступные; я не отвергаю того, что не могу охватить своим умом, а удивляюсь тем больше, что этого не видел". Затем Дионисий, исследовав все Откровение и указав, что невозможно понимать в его прямом смысле, говорит: "Окончив, свое, так сказать, пророчество, пророк объявляет блаженными тех, кто хранит это пророчество и помнит его самого: "Блажен, кто соблюдает пророческие слова этой книги; я, Иоанн, видел и слышал это" (Откр. 22, 7-8). Что он зовется Иоанном, и что книга эта написана Иоанном, я не спорю, как не спорю, что это человек святой и вдохновленный Богом, но мне трудно согласиться, что это апостол, сын Зеведеев и брат Иакова, написавший Евангелие и Соборное Послание. Меня приводят к этому заключению и весь характер изложения у обоих писателей, и выбор слов, и построение данной книги. Евангелист нигде - ни в Евангелии, ни в Послании - не пишет своего имени и ничем о себе не заявляет." Несколько ниже Дионисий пишет: "Иоанн нигде не говорит о себе ни в первом лице, ни в третьем. Автор же Апокалипсиса сразу, в самом начале, выдвигает себя вперед: *Откровение Иисуса Христа, которое Он дал, чтобы показать рабам своим вскоре. И Он показал, послав через ангела Своего рабу Своему Иоанну, который свидетельствовал Слово Божие и свидетельство его, и что он видел* (Откр. 1, 1-2). Дальше он пишет письмо: *Иоанн семи церквам в Азии: благодать и мир с вами* (Откр. 1, 4). Евангелист же не поставил своего имени во главе соборного послания, но начал, избегая всего лишнего, прямо с Божественного откровения тайны: *О том, что было от начала...* (1 Ин. 1, 1). За такое откровение и Господь объявил блаженным Петра: Блажен ты, Симон, сын Ионин (Мф. 16, 17). Ни во втором, ни в третьем

Посланиях, которые считают Иоанновыми, хотя они и кратки, Иоанн не называет себя по имени, а пишет, как о безымянном: старец. Этот же, счел недостаточным, однажды назвавшись, приняться за рассказ, а начал вновь: *Я, Иоанн брат ваш, соучастник в скорби и в царствии. и в терпении Иисуса, был на острове Патмос за слово Божие и за свидетельство Иисуса* (Откр. 1, 9). И под конец добавляет: *Блажен, соблюдающий слова пророчества этой книги, и я - Иоанн, видевший и слышавший это* (Откр. 22, 7-8). Следует верить словам Иоанна, что написал это именно он. Но кто он, - это неясно. Он не сказал, что он тот самый, который, как это неоднократно упоминается в Евангелии, был любимым учеником Господа и возлежал у Него на груди, что он брат Иакова, что он сам видел и слышал Господа. Если бы он хотел точно указать, кто он, он сослался бы на что-нибудь из вышесказанного. Ничего подобного нет: он называет себя нашим братом и соучастником, свидетелем Иисусовым и блаженным, ибо видел и слышал откровение. Я думаю, что у апостола Иоанна много тезок. Любовь к нему, восхищение им, желание быть таким же возлюбленным от Господа - все это делало его имя дорогим: так в семьях верующих часто называют мальчиков именем Петра или Павла. В Деяниях есть и другой Иоанн, прозванный Марком, которого Павел и Варнава взяли с собой... Он ли написал это Откровение? Вряд ли. И того ведь не написано, что он отправился вместе с ними в Асию... Я думаю, что автором был кто-то другой, тем более что в Ефесе, говорят, есть две гробницы и каждая называется Иоанновой. Судя по мыслям и подбору слов и построению предложений, догадываешься, что автор Откровения и евангелист Иоанн - разные лица. Евангелие и Послание согласуются между собой, и даже начинаются одинаково; в одном: *Вначале было Слово*, в другом: *Он, Который был вначале*. В одном: *И слово стало плотью и обитало с нами*, В другом - то же самое с незначительными изменениями: *Что мы слышали, что видели глазами своими, что рассматривали, и что осязали руки наши, о Слове жизни, - ибо жизнь явилась*. Так начинает он, решив опровергнуть, как тут же выясняется, тех, кто утверждает, будто Господь пришел не во плоти. Поэтому он осмотрительно и добавляет: *о том, что мы видели, свидетельствуем и возвещаем вам, об этой вечной жизни, которая была у Отца и явилась нам. О том, что мы видели и слышали, и возвещаем вам*. Он последователен и не уклоняется от поставленной цели, развивает свою мысль, настаивая на тех же основных мыслях, пользуясь теми же словами; некоторые из них мы вкратце упомянем. Внимательный читатель найдет, что в обоих произведениях многократно упоминаются жизнь, свет, отгоняющий мрак - и постоянно: истина, благодать, радость, Тело и Кровь Господа, суд, отпущение грехов, любовь Божия к нам, заповедь о взаимной любви, о том, что надлежит соблюдать все заповеди, изобличение мира, дьявола, антихриста, обещание Духа Святого, богосыновство, неизменное требование веры, везде - Отец и Сын. Отмечая всюду отличительные черты, видишь, что Евангелие и Послание имеют один и тот же образ речи. Апокалипсис и эти книги не совместимы: между ними никакой связи, никакой близости, нет, как говорится, общей буквы. Послание ничего не знает об Апокалипсисе (оставим в стороне Евангелие). Апокалипсис не упоминает Послание и не имеет мысли о нем, хотя Павел в Посланиях и приоткрыл кое-что из откровений, ему бывших, о которых особо он не писал. Можно отметить также разницу между стилем Евангелия и Послания и стилем Апокалипсиса. В первых - безупречный греческий язык, они красноречивы, убедительны в рассуждениях, хорошо построены, в них не найдешь ни иностранного слова, ни ошибок в языке, ни новых придуманных слов; видно, что Господь одарил их автора двойным даром: даром знания и даром слова. Что автору Откровения даны были и ведение, и знание, и дар пророчества, я не спорю, но вижу, что пишет он по-гречески неправильно, пользуется иностранными словами и делает ошибки в языке. Составлять их список необходимости нет. Я говорю это не в насмешку (да никто так не подумает), но для того, чтобы ясно показать разницу этих произведений"".(Евсевий Памфил. Церковная история. кн. 7 гл. 25)

Итак, перед нами размышление древнего исследователя Библии, которое сразу задает основные направления для размышления.

Во-первых, являются ли авторы Евангелия (далее Евангелист) и Апокалипсиса (далее Тайнозритель) одним лицом?

Во-вторых, о чем могут говорить особенности языка Апокалипсиса?

В-третьих, есть ли ключ к недоступным для Дионисия мыслям – в свете современной библеистики?

Соображениями св. Дионисия руководствовались в его время и позже многие христиане, не принимавшие книгу Апокалипсиса и, тем не менее, не относившиеся к каким-либо еретическим и сектантским движениям. Изначально Апокалипсис отсутствовал в сирийской Библии (Пешито), его никогда не использовали ни св. Иоанн Златоуст, ни другие учителя Антиохийской богословской школы. Сироязычные христиане, вообще говоря, составляли очень значительную часть вселенской церкви вплоть до несторианского раскола в V веке, после которого Антиохийская и Эдесская школы, по сути, были вытеснены из общения и пошли своими путями.

Не признавали Апокалипсис ни в древней Армянской, ни в Грузинской церкви (вплоть до X века). В Александрии после Дионисия Апокалипсис признавали вслед за св. Афанасием. В Западной половине империи эту книгу признавали практически изначально, и на Востоке утверждалась она не без связи с тем уважением, которым пользовалась там Римская кафедра. Даже к 414 г в одном из писем бл. Иероним свидетельствует: «латиняне не числят его (послание к Евреям) среди канонических писаний, но греки не принимают Апокалипсис Иоанна» (письмо 124, цит. По Мецгеру стр. 232).

Отсюда понятно, почему в церквях всего Востока Апокалипсис не стал литургической книгой, он никогда не читался за богослужением и не входил в богослужебные издания Апостольских писаний – единственным среди 27 книг Нового Завета. Один только этот факт ясно свидетельствует о его особом статусе в новозаветном каноне. На Востоке никто не брался и за толкование этой книги вплоть до Андрея Кесарийского в VII веке. Похоже, что книгу уважительно обходили стороной по примеру св. Дионисия, как мы только что видели в его рассуждении. Таким же путем шел и цитировавший его историк Евсевий.

Здесь выражено не иное что, как общий голос всех восточных церквей, который не следует игнорировать. Если такая историческая тенденция прослеживается столь обширно и долго, то этому должны быть какие-то причины внутреннего характера. Апокалипсис чем-то смущал читателей именно по своему существу, а не по каким-то формальным или дисциплинарным соображениям. Даже формальное его принятие в канон на Востоке (очевидно, невозможно было, прибегая к помощи Рима по любому догматическому вопросу, иметь с Римской церковью разный состав священных книг!) не сделало книгу уважаемой и читаемой. И причины тому, конечно, существуют.

Дилемма прочтения

Но прежде чем рассматривать книгу по существу, необходимо определиться с ее адресатами. Это вопрос не внешней исагогики, его невозможно решить формально, а от его решения зависит все наше дальнейшее прочтение.

Итак, кому адресована книга?

Понятно, что каким-то христианам времен Тайнозрителя, скорее всего, из тех самых семи Азийских церквей, о которых там идет речь. Но это лишь внешнее решение. Более серьезный вопрос следовало бы поставить так.

Имел ли в виду Тайнозритель лишь своего современника, или вкладывал (передавал) некие общие и вечные истины на некое неопределенное будущее (в конце времен)?

Более того: имел ли он вообще в мыслях, что какое-то будущее еще будет?

Если мы выбираем первый вариант, то нам необходимо будет сопоставить содержание книги, со всей ее символикой и образностью, с тем, как понимали этот язык современники Тайнозрителя. Нам необходимо будет образы Апокалипсиса сравнить с политическим контекстом его времени. И большая работа в этом направлении уже проделана до нас, ничего принципиально нового мы здесь не откроем.

Если же мы выбираем второй вариант, то нам необходимо будет постараться примирить Тайнозрителя с его непосредственными читателями, которых он, если вещи назвать своими именами, в таком случае просто обманул, сказавши им то, что к ним не относилось, а отстояло от них еще минимум на две тысячи лет исторического процесса.

Имеется ли у нас некий третий вариант ответа на вопрос, кому это написано, кроме, разве что комбинации первого и второго вариантов? Мне такого встретить в литературе не довелось. По-видимому, все-таки речь может идти или о непосредственных слушателях, или об их неведомо насколько отдаленных потомках, или о тех и других вместе.

Рассмотрим оба варианта последовательно.

Апокалипсис для политического контекста 1 века

Апокалипсис написан языком образов, и в этом смысле книга уникальна среди всех документов Нового Завета, но следует помнить, что образы эти достаточно раскрываемые и читаемые для непосредственных слушателей и читателей книги. Если образы коней, печатей и труб еще могут пониматься достаточно произвольно, как указания на некие природные катастрофы, то имеется еще несколько образов, совершенно очевидных, растолкованных в библеистике и прописанных в самых общих комментариях к книге для самых начинающих читателей.

И современники Тайнозрителя, и современные исследователи согласно понимают, что Жена, облеченная в солнце – это Церковь, что зверь – это римская империя, а блудница на его спине – это сама столица, город Рим. Впрочем, Тайнозритель разъясняет это и прямым текстом: *Жена же, которую ты видел, есть великий город, царствующий над земными царями* (Откр. 17, 18). Яснее сказать просто невозможно. Подобно тому, как Иерусалим в Библии постоянно именуется Дщерью Сиона, носит такой аллегорический женский образ, так и вражеская столица для Тайнозрителя получает аналогичный же образ женщины. Только женщины скверной, блудницы.

Итак, вот перед нами и узнаваемый, однозначно толкуемый образ, и связанное с ним пророчество. От 17 и до начала 19 главы описывается быстрая и полная, конечная погибель блудницы – города Рима. Сопоставим это с реальной историей, может быть, удастся найти нечто общее?

К римской церкви обращены слова Тайнозрителя: *выйди от нее, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее* (Откр. 18, 4). В исторической реальности христианская община никогда не покидала Рим. И что интересно, уже к концу 1 века столичная церковь почиталась «первенствующей в любви» среди всех церквей империи. Это дало дерзновение св. Клименту, епископу Римскому в 90-е годы написать письмо в Коринф с братским увещанием. Кроме того, св. Игнатий Богоносец в начале 2 века (примерно 107 г), идя на казнь, обращает Римской церкви послание, в котором совершенно особо выделяет ее авторитет среди всех церквей. См. об этом подробнее [Афанасьев]

Что же касается пророчествуемой катастрофы, то она не свершилась над Римом в предсказанном объеме практически никогда в его длинной истории. По крайней мере, город стоит до сих пор, не обратившись в руины и не придя в упадок. Половиной христиан планеты он до сих пор признается мировой христианской столицей. Так что если сопоставлять 18 главу Откровения с реальной историей первого, второго, третьего века, то мы получим полное несовпадение.

Более того. Апокалипсис претендует на некую большую точность в прогнозе по времени.

Некий ум, имеющий мудрость (Откр. 17, 9) призывается к тому, чтобы вычислить сроки по числу римских царей. Оказывается, *семь голов суть семь гор* (явный признак Рима – Т.) *и семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой еще не пришел, и когда придет, не долго ему быть. И зверь, который был, и которого нет, есть восьмой и из числа семи, и пойдет в погибель* (Откр. 17, 9-11).

Известнейший комментатор архим. Ианнуарий Ивлиев на этом месте начинает считать римских императоров, чтобы получить «магическое» число 7. Но при любом насилии над историей это число не получается никак. Римских императоров 1 века история знает очень хорошо, благодаря историкам-современникам Светонию и Тациту.

Тайнозритель жил предположительно в царство Домициана, после кончины Тита в 82 году. Имена кесарей известны: Юлий Цезарь (можно, допустим, его пропустить, как «не вполне» монарха). Далее идут: Август, Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон. Всего пятеро плюс сам Цезарь. После Нерона идут Гальба, Вителлий и Отон, царствовавшие слишком мало, чтобы их считать, по несколько месяцев каждый. Пропускаем их. Затем идут Флавиусы: Веспасиан, за ним его сыновья: Тит и Домициан. То есть даже относительно прошлого Тайнозритель ошибается: никак не пять тут царей плюс один современный и седьмой, который будет недолго. Невозможно свести этот список императоров от Августа до Домициана к семи именам, даже если исключить Гальбу, Оттона и Вителлия.

Но и это еще не все.

Во времена Тайнозрителя ходила легенда, что принужденный к самоубийству Нерон якобы не умер, а бежал и теперь скрывается у парфян и собирается с ними прийти и захватить Рим, чтобы вернуть себе трон. О. Ианнуарий, как и другие толкователи, видит отголосок этой легенды в словах о смертельно раненной голове зверя, которая исцелела (см. Откр. 13, 3). А также в словах, что восьмой царь из числа семи пойдет в погибель (Откр. 17, 11). То есть, это вера, что Нерон еще вернет себе трон, что его восьмое царствование будет продолжением его же прошлого царствования. И в его-то, второе Нероново пришествие и падет небесная кара на Рим.

Насколько все это соответствует истории, теперь может судить любой шестиклассник, изучавший в школе историю Рима. Не сбылось ничего, буквально ни одного слова. Не убегал никуда и не возвращался Нерон, действительно покончивший с собой. Императоры сменяли друг друга еще много веков. Именно после Домициана наступил подлинно золотой век римской монархии – правление Антонинов: Траяна, Адриана, Антонина и Марка Аврелия. То были лучшие времена для всей страны. Где тут низвержение города? Где тут плач по нему от всех купцов? Где тут десять царей, принявшие власть со зверем, которые растерзают столицу? Ничего этого не было и в помине. Все шло прямо противоположным порядком.

Обратим внимание на одну важнейшую деталь. Зверь, которому дракон (дьявол) дает свою власть, это вовсе не антихрист, не какое-то реальное историческое лицо. Это именно государственная машина Рима, которую Тайнозритель ненавидит всеми силами своей иудейской души. Представляя зверя читателю, автор отмечает важную деталь: *и дано было ему вести войну со святыми и*

победить их (Откр. 13, 7). Понятно, на что здесь намек: на Иудейскую войну и разорение Иерусалима. Отсюда понятны и чувства Тайнозрителя к враждебной империи и к ее столице.

Ничего общего с реальной историей не имеют и слова Тайнозрителя, которые хотя бы как-то претендуют на историческое пророчество. Нет конкретного лица, которого можно было бы сопоставить с лжепророком при звере. Не было той живой иконы зверя, которой принуждали бы поклоняться – даже культ императора на это не похож, чтобы вложился дух в образ зверя. Не было ничего в Римской империи, сопоставимого с печатями зверя и запретом покупать и продавать без этих печатей. Не было скорого пришествия Всадника на белом коне, который победил бы зверя и сковал сатану на тысячу лет. Не было и этой тысячи лет.

А ведь Тайнозритель не раз подчеркивает, что вся его фантастическая картина развернется перед читателями очень скоро. Время близко – это постоянный рефрен всего повествования. Но складывается впечатление, что мы читаем здесь не пророчества о земной истории, а какие-то хроники Нарнии или Мордора. Это фэнтези, рассказ о каком-то вымышленном мире.

Вариант второй: пророчества на неопределенное будущее

Помимо того, что такой вариант вообще мало вероятен (слишком много говорится, что время близко), он сопряжен с немалыми трудностями нравственного характера. Если автор знает, что его слова сбудутся далеко не сейчас, то зачем их вообще сообщать современникам? Тем более, без предварительной оговорки: это все, мол, произойдет когда-нибудь. Ведь выводы-призывы из описываемой картины в любом случае следует признать экстремальными. Надо бежать куда-то в дебри и пустыни, нужно жить совершенно асоциально. Надо проникнуться прямой ненавистью к гражданским властям – нечто совершенно противоположное учению апостолов Петра и Павла по этому вопросу.

Зачем такое издевательство над непосредственными слушателями?

Непонятно.

Но и это еще не все. В других местах Библии, где приводятся пророчества, все-таки присутствует деталь, которая сбывается в исторический период, а вторая часть пророчества может относиться к отдаленным временам. Но исполнение пророчества хотя бы частично ручается за то, что и не исполненное пока – исполнится потом.

Два примера.

Первый – известное размышление Даниила о четырех зверях – четырех империях. Пророчество исполнилось. Именно четыре империи сменили друг друга, и в четвертой, Римской, родился Христос. Исполнилось и Даниилово исчисление лет седминами. Все это ручается за то, что и его же видение Сына Человеческого, получающего всякую власть, так же исполнится, что оно имеет смысл.

Второй пример – «апокалипсис» самого Иисуса, его беседы о последних временах. Часть Его пророчества с удивительной точностью исполнилась во время Иудейской войны – это гибель Иерусалима. Прообраз дан, предсказан заранее. Это дает основание нам верить в исполнение и второй части того же пророчества о возвращении Господа во славе.

Но в любом случае нечто совершившееся в реальной истории предсказывается заранее, а потом исполняется в свое время, причем очевидным для всех образом. Вот признак подлинного пророчества. Лишь когда оно таково, то есть смысл и прочие таинственные слова или образы относить к неопределенному будущему и не считать игрой воображения визионера.

Но есть ли что-то похожее в Апокалипсисе?

Как видим, совершенно ничего.

Кони, печати, трубы, саранча и конное войско – все эти образы исторически совершенно не конкретны. Рассматривать ли их последовательно или параллельно (как трижды в разных образах описанный один и тот же рассказ) – это ничего не меняет: проверить, доказать или опровергнуть все эти картины фильма ужасов невозможно. До и после Тайнозрителя на земле случались войны, голод, моры и стихийные бедствия. Их всегда можно соотнести с конями и печатями, но никогда это соотнесение не даст нам ничего информативного, ничего конкретного: что, где и когда.

В большей мере претендует на конкретику лишь рассмотренное нами пророчество про Рим.

Но есть и еще одна картинка, которая тоже может претендовать на конкретику: это 12 глава про Жену, облеченную в солнце. Глава приводит в ступор всех, пытающихся ее комментировать, кого нам доводилось прочесть. Все признают, что проследить здесь какую-то законченную сюжетную нить очень трудно. Если Жена – это Церковь (или народ Божий, Новый Израиль – разница в данном случае невелика), то кто ее дитя мужского пола? Почему оно восхищается к небесам? Ответов не слышно. Но при этом есть одно очень понятное указание: Жена убегает в пустыню и там прячется краткое время от гонящего дракона. Мораль вполне ясна: если хочешь принадлежать истинной церкви – прячься в пустыню. Мораль, породившая и воспитавшая весьма много сектантских движений. И при этом характерно, что в реальной жизни Церковь и в годы гонений в целом не бегала в пустыню. Люди жили в городах, скрывались и попадались гонителям там. Страдали и свидетельствовали. Мода на пустыню пришла не в годы гонений на христиан, а позже, как раз тогда, когда города украсились христианскими храмами. Тогда массам людей вдруг стало потребным пустынное жительство.

И здесь сходства Апокалипсиса с реальностью не получилось ни в одном пункте.

Нравственные проблемы книги

Откровение явно провоцирует христианина на антисоциальное поведение, на сектантское отношение к церкви, на исключительное отношение к неким своим запечатленным. Все это вкуче формировало сектантскую психологию и воспитывало сектантов, весьма ценивших эту книгу, начиная от монтанистов 2 века и кончая Свидетелями Иеговы и позднейшими тоталитарными сектами. Архим. Ианнуарий тщательно прослеживает эти секты по всем векам. Их набирается очень много. И анабаптисты, и гуситы, и русские староверы... несть числа. И у всех Апокалипсис стоял на важнейшем месте в сознании.

Обратим внимание на одно важное обстоятельство.

Призывая проклятия на Вавилон-Рим, Тайнозритель изображает его блудницей, обвиняет в блуде. Блуд, по его мнению, тождествен римской веротерпимости. Разрешение в столице империи иметь свои храмы разным представителям присоединенных народов – это весьма правильное с политической точки зрения решение. Этой привилегией пользовались и сами иудеи, имевшие в Риме несколько открытых синагог и даже свои собственные кладбища. А здесь, в Откровении вся эта веротерпимость именуется блудом.

Противопоставляется Блуднице Невеста. Религиозной терпимости – религиозная нетерпимость. Чем лучше подлинные святые Божии (в данном случае иудейские христиане) будут хранить свою чистоту и неприязнь ко всем прочим людям, тем дальше они от Блудницы и ближе к Невесте. Что из этого в реальной истории вышло, прекрасно показали события Иудейской войны и последующей борьбы еврейства вплоть до восстания Бар-Кохбы и окончательного рассеяния евреев.

Имперская терпимость Рима одолела еврейскую религиозную нетерпимость. Снова в полном противоречии с Апокалипсисом.

Так что обвинение «наездницы Зверя» в блуде оказалось не выдерживающим исторической проверки. И, вообще говоря, не соответствующей всему прочему учению апостолов, весьма терпимо относившихся к Римской империи, понимавших ее преимущества, как веротерпимого и правового государства. Это были преимущества именно для христианской проповеди, для Царства Божьего!

Когда же Римская власть становилась религиозно нетерпимой, - тогда и начиналась трагедия для ее христианских подданных. Когда «наездница Зверя» пыталась обратиться только к своим отеческим богам и перестать «блудить» с другими богами, вот тут-то и начинались тяжелые испытания и для реальной Церкви Христовой в ней сущей, и для нее самой, как многонационального государства. Как видим, такого оборота Тайнозритель вряд ли мог ожидать в будущем, но он, очевидно, не мог бы понять, чего стоит имперская веротерпимость и в его настоящем, на современном ему этапе истории.

Павел это понимал. И Петр понимал. А Тайнозритель не понимал.

Еще одна черта, выдающая в Тайнозрителе иудейского зелота (хотя при этом парадоксальным образом вполне верующего во Христа Иисуса, как Искупителя), заключается в его радости по поводу предсказанной гибели Рима. Глава 18 изображает скорбь всей земли, а 19 глава – ликование всех Небес по одному и тому же поводу: осуждение и казнь блудницы (Рима). В обеих главах нет недостатка в эмоциях и красках. Именно по одному и тому же случаю страдает вся земля, и ликуют Небеса. Даже архим. Ианнуарий вынужден признать здесь не евангельское настроение Тайнозрителя.

Иисус, вообще-то, о городе, отправлявшем Его на Крест, плакал. И призывал плакать о грядущей его гибели. Христианские авторы, не будучи евреями и страдавшие от евреев, не радуются нигде гибели Иерусалима, хотя само это событие подтверждает пророческую силу Иисуса наилучшим возможным образом. Но это не повод к радости.

Когда Рим падал под ударами варваров, христиане там не спешили бы ликовать вместе с Тайнозрителем по такому поводу.

Итак, мы вынуждены признать здесь наряду с профетическим и явный нравственный изъян книги. Он бросается в глаза при первом же ее прочтении и уходит затем куда-то в подсознание, оставляя общее впечатление горечи и страха.

Отметим и такое вскользь брошенное замечание Тайнозрителя про святых: они не осквернились с женами, ибо они девственники (Откр. 14, 4). И это все 144 тысячи, то есть символическая полнота людей, принимаемых в царство. Что это? Отрицание брака? Анализ не возможен, поскольку большей информацией мы не располагаем, но любые сектанты, отрицающие брак, в этой цитате всегда находили себе оправдание.

Ложное пророчество о тысяче лет

Наконец есть место в книге, которое буквально всех толкователей приводит в ступор, или заставляет их сочинять такое объяснение, которое не соответствует оригинальному тексту.

Это пророчество 20-й главы о тысяче лет, на которые будет скован сатана и настанет некое золотое время жизни на земле. А потом якобы будет новое восстание сатаны.

Классическое православное толкование этого места сводится к тому, что сатана скован первым пришествием Христа. Золотой век уже идет. От первого до второго пришествия Христа пройдет эта символическая тысяча лет, а потом придет антихрист.

Натяжка в таком толковании очевидна. Тайнозритель уверен, что в эту тысячу лет воскреснут только мученики и будут царствовать со Христом уже воскресшими. А остальные люди, в т.ч. и христиане, не воскреснут в этот срок (Откр. 20, 4-5).

Ни с какой реальной историей это не согласуется даже при кривом толковании.

Перед нами очередное пророчество, которое не сбылось.

Кроме того, по Тайнозрителю, в его тысячу лет сатана не сможет действовать, будучи скован. Но весь опыт жизни христиан от первого до второго пришествия представляет собою именно невидимую брань с сатаной. Об этом предупреждали апостолы (1 Пет. 5, 8, Еф. 6, 12 и др.), а за ними многие отцы церкви. В реальной истории между первым и вторым пришествием сатана отнюдь не скован. Возможно, он как-то ограничен в силах, но его способности по искушению людей остаются значительными.

Наконец отметим, что учение о тысяче лет разделяли некоторые ранние отцы церкви, многие сектанты, и все-таки оно было окончательно осуждено 5 Вселенским собором.

Может быть, настала уже пора перестать осуждать читателей книги, за то, что, мол, неправильно читают и понимают, и обратить внимание на сам первоисточник, которому никто так и не смог придумать некоего «правильного прочтения»?

Нумерология

Все толкователи согласны, что Апокалипсис пропитан цифровым символизмом и нумерологией. И в этом его глубокая уникальность во всем Новом Завете. Никто из апостолов не прибегает к цифровой символике в такой степени. Ни один не призывает считать т.н. «число имени». Между тем, для людей апостольского века это было известное занятие. И в еврейском, и в греческом, и в латинском языке цифры имели четкое соответствие с буквами, по сути, обозначались буквами. Точно так же и в славянском языке. Если мы возьмем имя, допустим, Иван, и каждой букве этого имени поставим соответствующую цифру, а затем все эти числа сложим, то получим число имени.

И – 10,

В – 2,

А – 1

Н – 50.

Складываем: $10+2+1+50 = 63$ – это число имени Иван.

Так вот, если еврейские буквы, соответствующие латинской надписи *Caiser Neron*, сложить вместе, то получится число 666. Исследователи отметили это давно и повсюду обсуждают, почему именно еврейские буквы складываются, а не латинские (тут, впрочем, Тайнозритель верен себе). Но важно другое.

Цифровой символизм вплоть до нумерологии – это не евангельское и не апостольское учение или предание. Никогда к этому приему не прибегал ни Сам Иисус, ни апостолы, ни отцы Церкви. Зато нумерология широчайшим образом использовалась всегда в оккультизме и в Каббале. Поистине, этот факт достоин осмысления.

Критерий Второзакония

Строго говоря, у нас существует четкий библейский критерий подлинности пророчества.

И если скажешь в сердце твоём: «как мы узнаем слово, которое не Господь говорил?» Если пророк скажет именем Господа, но слово то не сбывается и не исполнится, то не Господь говорил сие слово, но говорил сие пророк по дерзости своей, - не бойся его (Втор. 18, 21-22).

Таким образом, всякое пророчество, чтобы считаться подлинным, должно предсказать нечто такое, что явно исполнится, и что можно заметить.

Если я предскажу, что в будущем человечество ждут новые войны, что в мире будут голодающие и страждущие люди, что будут бунты и революции, что будут эпидемии болезней, - то ни в коем случае за это не следует считать меня пророком. Я скажу правду, но эту правду знают все и без меня. Знают ее и читавшие Библию, и не читавшие Библию, и согласные с нею, и не согласные, - все хором подтвердят, что это правда. Потому что из этого состоит вся жизнь человечества.

Поэтому, если кто-то скажет, что апокалипсические картины ужасов временами как бы воплощались в реальной истории человечества, то это не признак пророчества. Всякий и без Библии знает, что история человечества ужасна, наполнена бедствиями и кровью, и ничего удивительного в этом нет. Требуется не смакование ужасов жизни, а хотя бы какое-то предсказанное событие, которое сбывается в реальной истории.

Образец дал Сам Иисус, предсказавший гибель Иерусалима и Храма. Предсказал заранее – и все исполнилось, причем именно на протяжении жизни одного поколения: *не пройдет род сей*.

Я искал и вопрошал толкователей Апокалипсиса: вы можете оттуда дать хотя бы одно реальное предсказание, указать только одно событие, которое потом хотя бы когда-нибудь исполнилось, и так, чтобы это событие можно было конкретизировать и опознать?

Ответ читатель уже знает сам. Ответ отрицательный.

Предсказания библейских пророков, подлинные и сбывающиеся предсказания, отличаются одной особенностью: они в той или иной мере парадоксальны. Предсказывается, а затем происходит событие, которое слушателям пророчества трудно представить. Они не верят в возможность такого события. Это касается разрушения городов, это касается прихода Мессии на ослике, это касается страданий Мессии. И сама парадоксальность сбывшегося события четко врезается в память потомков: да, вот оно, исполнившееся пророчество, событие, которого не должно было бы случиться.

Если мы «предсказываем», что люди и впредь будут друг друга убивать и грабить, а вулканы будут извергаться, то мы не пророки, мы просто повторяем банальности.

А подлинное пророчество не банально, в нем есть место парадоксу.

В христианской истории было немало парадоксов. В том числе в той ее части, которая современна Тайнозрителю.

Давайте сформулируем задним числом на языке образов Апокалипсиса парадоксальное и сбывшееся на деле «пророчество», которое никто не посмеет оспорить. Получится примерно так.

И вот на звере багряном сидела некая Жена. И увидел я, что это та самая Жена, облеченная в солнце, та самая, которую дракон искал поглотить, но она сидела на звере багряном, хотя иногда он кусал и рвал ее, но она не уходила с него.

Вот такое пророчество, парадоксальное, но неоспоримое, найдите нам на этих страницах!

А ведь наша констатация (которая не была никогда пророчеством) совершенно справедлива. Это именно указание на церковь Рима, которая уже к концу первого века стала общиной, «первенствующей в любви», наиболее авторитетной во всем христианском мире – и это несмотря на гонения, или, наоборот, даже благодаря гонениям. В реальной истории исполнилось вот это, а не то, что написано в книге.

Согласно Лютеру, лучший толкователь Писания есть само Писание.

А может ли Писание само себя проверять? Может ли оно выдвинуть критерии, по которым можно проверять его отдельные положения и части? И если такой критерий ясно выписан в этом Писании, то может ли быть какое-то табу на его применение в рамках самого же Писания?

Тайнозритель и Евангелист не одно лицо?

Напрашивается вывод: нас завораживает здесь авторство Иоанна Богослова. Мы априори принимаем без всякого размышления, что это тот же самый любимый ученик Иисуса созерцал все эти видения. Но как мы видели, у ранних христиан в этом не было единства, а были глубочайшие сомнения по поводу личности Тайнозрителя. Постараемся теперь их еще раз рассмотреть.

Если вернуться к размышлениям Дионисия Александрийского, то он первым делом выделяет здесь большое различие в языке. Современный католический исследователь, Станислав Гондецкий, отстаивающий подлинность Апокалипсиса, вынужден сделать такое признание. «Уже Дионисий Александрийский указывает на синтаксические ошибки и варваризмы Откровения, благодаря которым практически повсеместно язык Апокалипсиса считается неполноценным в сравнении с использовавшимся в то время греческим языком (койне). Ни в одном другом греческом литературном памятнике нет такого количества грамматических и синтаксических ошибок. Иногда даже кажется, что автор полностью игнорирует все правила греческой грамматики и синтаксиса. Неимоверное по сравнению с другим новозаветным текстом количество ошибок и неправильного (с точки зрения классического греческого языка) употребления времен в сочетании с возвышенным стилем заставили считать греческий язык Апокалипсиса результатом плохого перевода с арамейского оригинала. Однако это не объясняет стилистических особенностей Откровения, которые скорее являются следствием того, что автор писал по-гречески, думая при этом на иврите. В настоящее время предпринимаются попытки оценивать язык Откровения менее строго, чем ранее. Ошибки и косноязычие объясняются не плохим знанием греческого языка автором или переводчиком, а сознательным стремлением к архаизации для уподобления текста текстам пророков, продолжателем которых считает себя автор» [Гондецкий, стр. 106].

Как видим, Дионисий Александрийский еще очень мягко выразился о языке Откровения, что Тайнозритель с Евангелистом не имеют «общей буквы». Достаточно ясно подтверждается мысль, что Тайнозритель, пожалуй, в большей степени тяготеет к иудейскому мессианизму, чем к христианской идее о собирании разных народов в Новый Израиль. Вообще-то, у Тайнозрителя печати рабов Божиих ставятся на челе у 144 тысяч израильтян, а про язычников не говорится ни слова. Между тем, Евангелист, рассказавший о призвании самарянки, хорошо помнит слова Иисуса, что Ему надлежит привести к Отцу овец не сего двора, то есть, именно язычников.

Различие языка в таком, уже смысловом масштабе, действительно, должно считаться свидетельством в пользу разного авторства Евангелия и Апокалипсиса.

Еще более серьезный довод состоит в том, что Тайнозритель все-таки не представляется сам своему читателю возлюбленным учеником Иисуса, возлежавшим на персях на Тайной Вечери и стоявшим у Креста. Сам Агнец или Всадник ничего не говорит в видениях своему якобы ученику, которого очень хорошо помнит по житию во плоти (кроме вводных слов, причем таких, которые неуместны в разговоре двух **старинных знакомых**). Напротив, с Тайнозрителем по делу разговаривает только ангел. Между тем, сами апостолы, желая что-либо возвестить своим ученикам и читателям, не забывали никогда сослаться на свой апостольский авторитет. Если бы Тайнозритель был сыном Зеведея и учеником Иисуса, он хотя бы раз где-то на это намекнул. Но

таких намеков нет. Во всем этом Дионисий был совершенно прав, и затронул, действительно, важную проблему.

Итак, нам можно быть уверенными, что имя Тайнозрителя Иоанн. Но откуда взялась сама мысль отождествить его с Евангелистом? Она уходит в непрослеживаемую глубину веков, но, как оказывается, имеет за себя недостаточно серьезных оснований.

Принципиальные расхождения Евангелиста и Тайнозрителя

Вообще говоря, если мы принимаем общее учение Евангелия и апостолов о последних временах, то следует отметить, что с этим общим апостольским преданием Тайнозритель расходится в целом ряде пунктов.

Прежде всего, апостольское учение о последних временах кратко и неинформативно. Более или менее подробно Иисус предсказал падение Иерусалима. А о кончине мира и своем втором пришествии предсказал лишь мировой кризис, который будет ему предшествовать, то есть падение веры и обострение человеческой греховности. Сказал так же и о внезапности своего возвращения, и о том, что его невозможно будет спутать ни с чем. Все это изложено у трех евангелистов в беседе Господа с учениками накануне Тайной вечери.

Апостольское предание здесь добавило существенную деталь, которая в Евангелии звучит лишь намеком. Это предание об антихристе. Намек Иисуса таков: *Я пришел во имя Отца Моего и не принимаете Меня, а если иной придет во имя свое, его примете* (Ин. 5, 43). Можно отнести это к личности последнего мирового злодея, всемирного правителя. Но точно так же можно отнести и к любому еврейскому zelotу, выдающему себя за Мессию, которых немало было в Иудее и до Иисуса, и после него, и имен которых даже не сохранила нам история. Или сохранила некоторые из этих имен. За такого лжемессию вполне сойдет Бар-Кохба, официально помазанный на царство раби Акибой и признанный за Мессию. А затем погибший в бою при подавлении восстания.

Однако у апостолов предание об антихристе, как конкретной грядущей исторической личности, все же сохранилось. Павел пишет о нем, как о человеке беззакония, который в Храме Божием сядет, выдавая себя за Бога. Иоанн не раз упоминает в 1 Послании своем антихриста. О нем же говорит и Дидахэ – ближайший к апостолам исторический документ. По этим трем точкам можно судить, что предание об антихристе является апостольским, изначальным и фактически всеобщим. И в нем, - что важно, - антихрист является конкретным человеком, хотя, согласно Иоанну Евангелисту, пред ним пройдут подобные ему, которые существуют уже «сейчас», во времена Апостола. И повторим, с любой формальной и неформальной точки зрения, предание об антихристе вполне можно считать уже исполнившимся на Бар-Кохбе. Внутренне христианину можно быть готовым к тому, что Христос вернется, не предваряемый никаким мировым злодейским правителем. И на наш недоуменный вопрос об антихристе ответит: пожалуйста, вот, сколько их было в истории. Все сбылось.

Но подчеркнем еще раз. Зверь у Тайнозрителя, которого принято ассоциировать с антихристом не является конкретным историческим лицом, человеком. Тайнозритель своего зверя скомпоновал с четырех Данииловых зверей, символизировавших у Даниила царства. И зверь Апокалипсиса тоже обозначает царство, Римскую империю, о чем сказано прямым текстом, как мы уже приводили выше. Ни самого слова «антихрист», ни его литературного портрета, адекватного с написанным Павлом и Евангелистом Иоанном, в Апокалипсисе нет. Можно гадать про «второго зверя», лжепророка из Апок. 13, 11, не он ли подразумевается под личным антихристом, но он вроде бы не делается мировым правителем, оставаясь первым «обслуживающим лицом».

Во всяком случае, образы зверей у Тайнозрителя (как и многое другое у него) оставляют больше вопросов, чем ответов.

Важнее и яснее другое соображение.

Иисус в своем пророчестве о конце мира нарочито краток. На вопрос учеников, не в сие ли время восстанавлишь ты царство Израиля, Он достаточно прямо отрезал: не ваше дело разуметь времена и сроки, которые Отец положил в своей власти (Деян. 1, 7). Для чего же, спустя столько времени Он стал бы в таких подробных и очень неясных видениях раскрывать те тайны, которые при жизни на земле и по воскресении своем так стремился скрыть? Не очевидно ли здесь противоречие?

Для того чтобы предвидеть отрицательные последствия всяких попыток начать «жить по видениям», не требуется быть ни Богом, ни пророком. Требуется для этого просто пастырский опыт, который, например, Павел приобрел за четверть века своей проповеди, что и отражается в его плавном переходе от харизматического устройства общины (как описано о церкви Коринфа) к епископскому управлению (как в пастырских посланиях).

Несложно было бы предвидеть, что произойдет с христианской общиной, где будет взят курс на осмысление всяких видений в стиле Апокалипсиса. Там будет построение секты, ничего другого, что и показала дальнейшая история.

Вот по этой-то причине и краток был Иисус в своем описании последних времен! Не наше, человеческое дело разуметь времена и сроки! Не должна наша человеческая мудрость высчитывать число имени зверя и прочие подобные штуки проделывать! Наше дело, вообще-то маленькое: *бдите, ибо не знаете дне и часа*. Вот и все. Очень много, на самом деле, если говорить о нравственно-аскетической жизни, а не о сектантских построениях или праздных гаданиях над всем неведомым.

Три связующих идеи

Справедливости ради мы все-таки должны отметить, что некая «общая буква» между Тайнозрителем и Евангелистом все-таки существует. Есть три важных ключевых понятия, которыми оперируют оба автора и больше ни один из новозаветных писателей. Это служит серьезным побуждением к тому, чтобы принять Тайнозрителя и Евангелиста за одно лицо.

А понятия эти суть таковы: Агнец, Логос и свидетель.

Ни Павел, ни евангелисты не используют образ Агнца в приложении к Иисусу. Лишь Петр вскользь сравнивает Христа с Агнцем (1 Пет. 1, 19). Агнец появляется в первой же главе Иоаннова Евангелия и он же – центральный образ Апокалипсиса. Та же история и с Логосом. Ни Павел, ни Петр, ни синоптики этот термин к Иисусу не прилагают, - а Евангелист начинает с него, и Тайнозритель использует его же.

Однако есть и существенная разница в употреблении терминов. Евангелист раскрывает понятие Агнца. Не просто Агнец, но берущий грехи мира. Образ, одновременно напоминающий и пасхального агнца – символ защиты от губителя первенцев, и Раба Господня, тоже сравниваемого с агнцем у Исаии, гл 53. Евангелист припоминает этот образ со слов Иоанна Крестителя, а потом не раз возвращается к тому, что Агнцу этому (то есть, Иисусу) надлежит умереть за грехи людей. У Тайнозрителя же образ не раскрыт, он просто используется, так сказать, по умолчанию, или в уверенности, что читатель сам понимает, о Ком речь.

Это создает впечатление, что Евангелист здесь первичен. Суть образа (термина, символа?) раскрыл именно он.

И в еще большей мере это относится к понятию Логоса. Только однажды Тайнозритель созерцает Агнца, уже обернувшегося победоносным воином, и тогда говорит, что *имя ему – Слово Божие* (Откр. 19, 13). Почему такое имя – не разъясняется. Очевидно, оно тоже предполагается известным читателю.

Между тем, именно Евангелист разъясняет, как Логос был вначале, как через него все начало быть, и как Логос стал человеком. Как показывает митр. Антоний (Храповицкий), само евангельское понятие об ипостасном Слове Бога заимствовано более из библейского источника. Но, по-видимому, можно считать, что Евангелист, тоже умудряемый и Святым Духом, и пастырским опытом, сумел здесь, так сказать, перекинуть связующий мостик между библейским и философским понятием о Божественном Слове, найти между ними общее – ради успеха евангельской проповеди. Во всяком случае, именно Евангелист здесь «разработал концепцию», если так можно выразиться, а Тайнозритель берет ее уже готовую.

И наконец, употребление слова свидетель, (оно же означает в греческом и мученика), говорит, скорее о том, что писания Иоанна родились в церкви чуть позже по времени, уже после опыта первых гонений в языческих церквях. До этого опыта Павел и Петр просто не дожили, точнее, ушли среди первых жертв такого гонения при Нероне. А ко временам Евангелиста и Тайнозрителя мученичество уже стало явлением в церкви, и сам термин родился и стал общеупотребительным. Поэтому оба автора (один?) употребляют его, как не нуждающийся в раскрытии.

Итак, даже в этих трех связующих звеньях Евангелист первичен, а Тайнозритель скорее должен пониматься, как «испытавший влияние», нежели наоборот. Тайнозритель учился и заимствовал из пророков и из Евангелия, - вот и нашлась та «общая буква», которую вроде бы не увидел св. Дионисий. Все это вполне согласуется с сообщением об Иоанне-пресвитере, втором Иоанне, бывшем при Евангелисте. И очень понятно, если после кончины во втором-третьем поколении читателей, особенно не знавших лично обоих Иоаннов, эти два лица слились в одно. Хотя, повторим, даже Евсевий, триста лет спустя, имеет сведения, что это все-таки два разных лица, могилы которых в его времена почитались в Ефесе.

Как пишет старец

Согласно преданию, зафиксированному и Евсевием, и ставшему общепринятым, Евангелист Иоанн взялся писать Евангелие уже в старческом возрасте. Даже если принять и такую версию (я лично ее не принимаю), что и Евангелист не есть сын Зеведея, но тем не менее, ученик Иисуса и прямой свидетель Его страданий, то и в этом случае получается, что Евангелие написано старцем.

Теперь давайте подумаем, как будет у нас писать старец, перенесший гонения и страдания за проповедь Христа, как он будет писать в своем очень преклонном возрасте на неродном ему языке? Если даже Павел, полный бодрости и сил, диктовал свои послания писцу, умевшему писать по-гречески, то можно ли предполагать, что Иоанн мог обойтись без секретаря? Ведь, в отличие от Павла, Иоанн – все-таки, скорее, галилейский рыбак, чем кто-то еще, во всяком случае, человек, явно уступающий Павлу в смысле общего образования. Вообще, исследование грамотности в древнем мире, проведенное, например, К. Эвансом, дает пищу для интересных размышлений. Эванс задался вопросом: умел ли Иисус читать и писать, и, убедительно обосновав свой утвердительный ответ, попутно открыл такую картину. Оказывается, в древнем мире разница между умением писать и читать была гораздо больше, чем сейчас. Читать умели практически все, вплоть до рабов. Нацарапать надпись на стенке (как откапывают в Помпеях) или на клочке папируса (как у нас в Новгороде на бересте) могли тоже очень многие. Но писать какой-то серьезный документ на

папирусе (тем более, пергаменте) отваживался далеко не каждый. Это объясняется сложностью древних классических языков, сложностью изображения самих букв, не стилизованных, как теперь, сложностью, наконец, в использовании примитивных письменных принадлежностей. В век гелевых и шариковых ручек трудновато, конечно, вспоминать про древние трости и перья, но еще труднее современному человеку овладеть этими древними орудиями письма.

У нас нет сомнений, что и Павел, и Петр, и Иоанн могли понимать, читать и говорить по-гречески. Но Павел, давший в посланиях немало намеков на работу своего греческого писца, показывает, что писать по-гречески послания он сам все-таки почти не решался. Тем более, повторим, это касается Петра и Иоанна. Да, любому из нас на примере родного славянского языка это очевидно. Вы можете славянские богослужебные книги читать, как газету, полуустав 14 века прочтете уже с напряжением, а устав 11 века уже с огромным трудом. Вы можете даже говорить на славянском относительно сносно, но даже при этом вы не рискнете сами написать какой-либо славянский текст без специальной подготовки, опасаясь множества возможных ошибок. Если у вас есть языковой опыт подобного рода, вы без малейшего колебания согласитесь с тем, что Иоанну, безусловно, требовался грамотный греческий писец. Прибавим сюда, как говорится, «до кучи», еще и то соображение, что во времена Иоанна люди не знали очков, а для старого человека одно только это обстоятельство способно было полностью отстранить его от письменного прибора.

Теперь еще одно соображение из области, так сказать, «бытовой геронтологии». Старый человек (не пожилой, а именно старый, около 90 лет) не сможет надиктовать своему писцу длинный, стройный и связный текст. Скорее, он даст общий рассказ, со множеством повторов и возвратов (а, я еще упустил это...), а потом попросит все это связно записать. Такие воспоминания поневоле потребуют редакции. Писец при старце волей-неволей возвысится в чине сперва до редактора, а потом, извините, и до соавтора может дорасти.

И если старец попытается проверить, что же получилось у его писца, записавшего его воспоминания с его слов, то очень вероятно, что ему придется текст не вычитать самому, а выслушать на слух (очков-то нет!). Как в 90 лет человек воспринимает текст на слух, не догадываетесь?

Тот, кто это наблюдал лично и не раз, поймет, о чем речь. Читаем по одному предложению, медленно, с повторением – и даже в этом случае нет гарантии, что сам старец, если бы мог, записал бы именно в такой форме. Старец не сможет править каждое предложение, даже если напряжением мысли, он его полностью расслышал и понял. Он просто махнет рукой на мелкие неточности и воспротивится лишь против очень важных возможных нарушений. И все это при условии, непроверяемом условии! – что старец все четко расслышал и понял. А он может и заснуть на десятой фразе.

Здесь, возможно, лежит ключик к той загадке Евангелия от Иоанна, на которую обратили внимание уже очень давно. Это Евангелие включает в себе немалый парадокс. С одной стороны, перед нами личное свидетельство очевидца, знающего еврейские обычаи описываемого времени лучше прежних трех евангелистов, сохранившего в памяти ярчайшие детали быта и обряда евреев, а главное – яркие личные воспоминания. И это делает его Евангелие максимально исторически достоверным. Но с другой стороны, Иисус в этом Евангелии говорит слишком отвлеченные, слишком образные, метафизически перегруженные речи к людям, которые заведомо не смогут их воспринять. Речи Иисуса у Иоанна очень не похожи на Его же речи у синоптиков. Реальный Иисус, скорее говорил, как у синоптиков: наглядными притчами, понятными наставлениями, но не сравнением себя с Хлебом жизни, Источником живой воды, Светом, Путем и т.д. Это факт, который приходится как-то принять. И возможно, объяснение этого факта не слишком сложно. Не нужно придумывать ничего более сложного, чем повышение роли секретаря при авторе-старце. Секретарь

– человек близкий, испытавший влияние старца, единомысленный с ним, но при этом мистически настроенный, способный к отвлеченной, образной речи, любящий такую речь, считающий ее более содержательной и способной разъяснить мысль автора.

Ну, вот и все.

Осталось только этому мистически настроенному секретарю, незаменимому помощнику Апостола, приложить к его книгам и свою книгу, причем честно подписанную своим именем, не притязаящую нисколько на авторство Евангелиста и любимого ученика. И два **случайно** совпавших имени! И больше ничего не требуется, чтобы перед нами появилась та картинка, которая есть – некий общий корпус Иоанна.

Не здесь ли и разгадка не только странности речей Иисуса в Евангелии от Иоанна, но и того, что эпизод с очищением Храма от торговцев попал у Иоанна в начало повествования. Немало внутренних свидетельств говорят о том, что в начале Его проповеди такое вряд ли могло быть, еще менее шансов, что событие такого рода совершилось дважды. И вот простое объяснение. Секретарь перепутал, Евангелист же не смог проследить. Что, кстати, нисколько не снижает значимости самого эпизода, значимости слов Иисуса о храме Тела своего. Все это, наверняка прозвучало, и Евангелист это запомнил, и краткую речь секретарь не перепутал, - но прозвучало все это не в начале, а в конце Христова служения. Можно ручаться, что все свидетельства слов Иисуса и Крестителя Евангелист слышал и помнил в свои девяносто лет лучше, чем события вчерашнего дня, но никак нельзя поручиться, что он **читал** окончательный свиток книги с названием «Евангелие от Иоанна».

В этом смысле 1 Послание Иоанна (о котором никто не сомневается, что оно есть продолжение Евангелия и принадлежит тому же автору, свидетелю евангельских событий) – тоже очень сходный документ. Множественные повторы, возвращение к начатой и оставленной теме, даже некоторые противоречия (грешит ли рожденный от Бога?), отсутствие концовки - все это очень похоже на речь старого человека, которую пытаются записать быстро, стенографически.

Впрочем, все сказанное есть не более чем версия. Против нее свидетельствует отмеченная выше разница в языке. Секретарь Апостола пишет не так, как Тайнозритель. Возможно, это тоже разные лица.

Апостол любви

Евангелист и автор Послания тоже ждет скорого конца. Но он не будоражит народ всякими призывами бежать в какие-то пустыни, он не накликает катастрофы, он просто призывает любить ближних, причем делом и истиною. За это он получил прозвание Апостола любви. Время взглянуть в его тексты свежим взглядом. Не созерцает Евангелист никаких небес, ликующих по предсмертным корчам земли и ее грешников. Там не проходят его медитации, над всякими огненно-серными озерами и зверями-драконами.

Кто скажет, что Евангелист Иоанн не готовится к концу этого мира и к встрече со своим Учителем и Господом? Никто такого не скажет. Он ждет и готовится. Но совсем по-другому, нежели Тайнозритель, так не похожий в своих настроениях на Апостола любви.

Но для такого смиренного ожидания, как у Евангелиста, Апокалипсис вообще не нужен. Это нечто лишнее. В плохом случае – нечто явно мешающее, провоцирующее эсхатологическую панику и фальстарт. Неслучайно само слово апокалипсис стало нарицательным. Редактор компьютера знает его написание и с большой, и с маленькой буквы. Апокалипсис с маленькой буквы – символ всяких

ужасов, любых возможных. Но проблема в том, что любовь не живет в атмосфере ужасов, в атмосфере радости об ужасах. Там любовь умирает, а не живет.

Так и мы, чая воскресения мертвых и жизни будущего века, ничего не отрицаем ни в символе веры, ни в решениях вселенских соборов, особенно догматических. Но нужно помнить, что и символ веры родился и принимался в той церкви, которая обходилась без Апокалипсиса. И догматические споры шли, практически не затрагивая поднятые там вопросы. Единственное учение, выросшее на почве этого Откровения – хилиазм, и оно осуждено Церковью.

И наш вывод не будет экстремистским. Не нужно изгонять Апокалипсис из Писания, нужно всего лишь помнить историю его вхождения в канон и не воспринимать его с излишней серьезностью. Не нужно считать эти шестерки, гадать о печатях, ждать, что какие-то антихристы непременно будут всех клеймить и т.д. Ждать возвращения Господа во славе нужно спокойно и по-евангельски. Как Златоуст, святитель, пропитанный ожиданием вечности, но никогда не цитировавший Апокалипсис.

Литература.

Архим. Ианнуарий Ивлиев И увидел я новое небо и новую землю.

Евсевий Памфил Церковная история

Николай Афанасьев, прот.

Станислав Гондецкий, архиеп. Писания Иоанна

Эванс К. Иисус и Его мир.